

Мин Чэнь на мгновение задумался, а затем произнёс:

— Ты хочешь сказать, что нас застали врасплох, и те, кто стоит за Вэнь Шу, тоже? Сейчас за ним следят все стороны, так что легко допустить оплошность?

Цзин У опустил веки и, перебирая чётки, начал читать молитву.

«Вот же невыносимый тип, — Мин Чэнь едва не выругался. — Что за манера вечно молчать!» — Ты посмотри на себя, на этот свой полуживой, призрачный вид. Неужели благородные девицы Шанцзина ослепли? Бросить меня, такого цветущего молодца, и положить глаз на тебя, монаха-вдовца!

Цзин У остался невозмутим, полностью проигнорировав разглагольствования Мин Чэня. Тот уже давно привык к подобному общению.

— Говорю же, обстановка в Шанцзине становится всё запутаннее, почему же регент до сих пор не подаёт признаков жизни?

Цзин У открыл глаза.

Мин Чэнь цокнул языком:

— Мы же с тобой так близки. Регента привёз ты, неужели ты правда ничего не знаешь или просто притворяешься? Рассказал бы, хоть какая-то ясность была бы.

Цзин У снова принял вид человека, не имеющего ни желаний, ни стремлений.

Мин Чэнь в сердцах воскликнул:

— Да тебе не Цзин У надо зваться, а Незнайкой!

Цзин У промолчал. Мин Чэнь поднялся со стула:

— Ладно, будь по-твоему. Если Фань Вэньфан прикончит регента, в худшем случае просто уйду в отставку.

— Не прикончит, — не поднимая головы, отозвался Цзин У.

— С чего ты взял? — Мин Чэнь подался к нему. — Ты что-то знаешь?

Цзин У снова смолчал. Мин Чэнь порывался было дать ему подзатыльник, но, сохранив остатки разума, лишь сделал угрожающий жест в воздухе. В ярости он взмахнул рукавами и направился к выходу. И зачем только его угораздило прийти к Цзин У за порцией страданий?

Цзин У до самого конца не поднял глаз на разъярённого Мин Чэня, словно его гнев не имел к нему никакого отношения.

Великая вдовствующая императрица прибыла в столицу через два дня. Из-за Наследного принца Чу Цзюсюй был записан под покровительством великой вдовствующей императрицы. Хотя он и не был сыном главной жены, его статус был куда выше, чем у других принцев, рождённых наложницами, и отчасти именно поэтому Вдовствующая императрица Чжоу так опасалась его.

Приезд великой вдовствующей императрицы означал, что Чу Цзюсюй обязан засвидетельствовать ей почтение. Тихий прежде дворец Цыань заметно оживился. Когда пришёл Чу Цзюсюй, Вдовствующая императрица Чжоу уже была там, а следом за ним вошёл Чу Лань.

Чу Цзюсюй и Чу Лань поклонились великой вдовствующей императрице, сидевшей на почётном месте:

— Сын приветствует матушку.

Затем, повернувшись к Вдовствующей императрице Чжоу, добавили:

— Министр приветствует Вдовствующую императрицу.

— Внук приветствует бабушку, сын приветствует матушку.

Волосы великой вдовствующей императрицы уже поседели, она была одета просто, а лицо её озаряла мягкая улыбка:

— Вставайте. Свои люди, не к чему лишние формальности.

Чу Цзюсюй и Чу Лань присели поодаль. Чу Лань подозрительно покосился на Чу Цзюсюя: с чего бы это дяде быть таким послушным?

В своё время, из-за Наследного принца, великая вдовствующая императрица занималась воспитанием Чу Цзюсюя. В то время как Чу Цзинцзэ был благородным и рассудительным, непоседливый Чу Цзюсюй достался ей. Можно сказать, что нынешние безупречные манеры регента — целиком её заслуга.

Чу Цзюсюй, привыкший прикидываться паинькой перед великой вдовствующей императрицей, искоса глянул на Чу Ланя: на что смотришь?

Чу Лань отвёл взгляд. Впрочем, послушный дядя тоже неплох.

Великая принцесса Чу Юань в изумрудном платье и вторая принцесса Чу Лин в бледно-розовом наряде подошли и присели в поклоне:

— Приветствуем Ваше Величество, приветствуем дядю.

Чу Лань приподнял руку:

— Вставайте.

Ни Чу Цзюсюй, ни Чу Лань не были близки с принцессами. Те круглый год жили в Храме Защиты Государства при великой вдовствующей императрице, виделись они от силы пару раз в год. Даже будь желание сблизиться, возможности не было, да и Чу Лань не горел желанием сближать их с дядей.

Чу Юань, выглядевшая кроткой и благородной, вернулась на место и села, не сводя глаз с бабушки. Чу Лин, напротив, была более оживлённой и время от времени украдкой поглядывала на Чу Цзюсюя и Чу Ланя.

Великая вдовствующая императрица посмотрела на Чу Цзюсюя:

— Регент, лицо у тебя нездоровое. Опять перебираешь едой?

— Нет-нет, — Чу Цзюсюй случайно перехватил взгляд Чу Ланя и проглотил готовые сорваться с языка слова. — Просто в последнее время дел много, не высыпаюсь. Благодарю матушку за заботу.

— Даже если дел много, нельзя доводить себя до истощения, — великая вдовствующая императрица перевела взор на Чу Ланя. — Ваше Величество, вы тоже не должны привередничать в еде.

Чу Лань виновато опустил глаза. Регент был худым, потому что действительно был разборчив в еде, а он-то нет! В период бурного роста он ел больше любого борова, но никак не мог набрать вес. Чу Лань тоже покосился на Чу Цзюсюя — всё дядя виноват.

Чу Цзюсюй сделал вид, что ничего не заметил:

— Матушка права.

Он ответил без колебаний, но ответить и сделать — две разные вещи. В любом случае, сначала нужно пройти проверку великой вдовствующей императрицей.

Чу Цзюсюй рос на её глазах, и если не все, то хотя бы часть его мыслей она понимала.

— Принесите регенту и Его Величеству каши, что томится на кухне.

— Слушаюсь, — старшая служанка поклонилась и удалилась.

Чу Цзюсюй выдавил из себя улыбку:

— Может, не стоит?

— Здесь я решаю, что стоит, а что нет. Раз велела — ешь, — великая вдовствующая императрица посмотрела на него со всей строгостью.

Чу Цзюсюй сразу умолк.

Служанка принесла две чаши с пшённой кашей. Она была красновато-оранжевой, украшенная несколькими плодами красных фиников, и выглядела весьма аппетитно. Чу Лань, проголодавшись, не раздумывая взял ложку. Чу Цзюсюй выдохнул: главное, что не голубиный суп или отвар из чёрной курицы, остальное пережить можно.

Великая вдовствующая императрица спокойно пояснила:

— Это пшённая каша с коричневым сахаром и красными финиками. Как раз то, что нужно для укрепления организма.

Чу Цзюсюй чуть не выронил чашу:

— Но ведь это едят роженицы! Я же не собираюсь рожать!

Чу Лань едва не подавился, пнув дядю под столом. Он посмотрел на него: дядя, если промолчишь, за него не сочтут.

Великая вдовствующая императрица давно привыкла к непутёвости Чу Цзюсюя и осталась невозмутимой:

— Велено есть — ешь, не болтай лишнего.

На этот раз не только Чу Лин, но и Чу Юань украдкой поглядывали на Чу Цзюсюя. Величественный образ дяди, казавшийся высокой горой, в их глазах с треском рухнул.

Чу Цзюсюй не посмел больше чудить и послушно выхлебал кашу до дна.

После трапезы Чу Цзюсюй и Чу Лань поспешно покинули дворец Цыань и направились в кабинет императора. Чу Лань начал править самостоятельно с четырнадцати лет, и теперь половина людей Чу Цзюсюя была передана ему. Вместе с теми немногими, кого он подобрал сам, сил Чу Ланя хватало, чтобы тягаться с регентом. К тому же Чу Цзюсюй уже решил: когда Чу Ланю исполнится восемнадцать, он полностью передаст ему контроль над двором.

На столе возвышались горы докладов. Чу Лань был в самом расцвете сил, и когда Чу Цзюсюя не было рядом, он просиживал за делами до глубокой ночи. Вчера он из последних сил

позволил себе лечь на полчаса раньше. Сегодня утренних докладов было не меньше, чем обычно; если бы Чу Цзюсюй не помог, Чу Ланю сегодня не видать сна.

Чу Цзюсюй сел за стол. Евнухи сортировали доклады по важности: одни требовали немедленного внимания, другие были второстепенными, третьи — те, по которым Чу Лань не знал, как принять решение, и хотел совета регента.

Раздался лёгкий стук. Чу Цзюсюй поднял голову — Чу Лань, обессилив, заснул прямо на столе. Вчера он лёг за полночь, сегодня встал до рассвета на тренировку, а через час уже был на утреннем докладе. Он продержался до этого момента лишь на одной силе воли.

Чу Цзюсюй поднялся, бережно перенёс Чу Ланя на кровать в боковой комнате и укрыл одеялом. Глядя на детское лицо императора, он вздохнул:

— Не знаю, сколько ещё продержится моё брэнное тело. Тебе нужно скорее вырасти.

Как только Чу Цзюсюй вышел, Чу Лань перевернулся и провалился в глубокий сон, а на его ресницах блеснули слёзы.

Чу Цзюсюй с детства обладал феноменальной памятью, поэтому с бумагами справлялся играючи — гораздо быстрее, чем Чу Лань. Когда половина стопки была разобрана, вбежал евнух Пань:

— Ваше Высочество, вторую принцессу укусила змея!

Чу Цзюсюй в испуге вскочил:

— Где Чу Линь?

— У государственного наставника, — ответил евнух.

Чу Цзюсюй, только что поднявшийся со стула, тут же сел обратно:

— Его Величество наверняка скоро проснётся, пусть он и сходит проверит.

Едва он договорил, как из боковой комнаты вышел Чу Лань:

— Дядя, пойдём вместе.

Чу Цзюсюй поспешно затряс головой:

— Я не пойду. Я растил тебя пятнадцать лет, настало время проявить сыновью почтительность.

— Дядя, когда состаришься, я буду ухаживать за тобой, выносить утки и горшки, всё как

полагается. Но сейчас ты должен пойти со мной к государственному наставнику, — отрезал Чу Лань, не терпя возражений.

Чу Цзюсюй застыл. Его передёрнуло от слов племянника, и через мгновение он выдавил:

— Неблагодарный.

Чу Лань прищурился:

— Дя-я-денька...

От этого манерного, протяжного, более тонкого, чем крик петуха на заре, обращения у Чу Цзюсюя мурашки побежали по коже. Дядя и племянник молча уставились друг на друга.

Евнух Пань не выдержал:

— Вторая принцесса...

Чу Цзюсюй сдался, и они вместе направились к Залу Минхэ государственного наставника. Маленькая серебристая змейка проскользнула через траву, а через пару шагов перед сапогом Чу Цзюсюя проползла огромная ярко-алая многоножка.

Чу Цзюсюй: «...»

Чу Лань: «...»

Вот почему они оба терпеть не могли сюда приходить. Зал Минхэ государственного наставника был логовом, кишашим ядовитыми насекомыми, змеями и травами. О чём только думала Чу Лин, решив заявиться в такое проклятое место! Чу Цзюсюй мог свободно разгуливать по таким местам благодаря двум браслетам на руках: стоило надеть их, как обитающие здесь ядовитые твари даже не пытались нападать. Если бы кто-то вздумал прорваться в Зал Минхэ грубой силой, примером тому служила бы искусанная Чу Лин.

Когда Чу Цзюсюй и Чу Лань вошли в боковую залу, Чу Лин уже лежала на кровати без сознания, с совершенно бледным личиком. Государственный наставник сидел рядом и читал сутры, а услышав шаги, открыл глаза.

Цзин У поднялся на ноги:

— Ваше Величество.

Чу Лань посмотрел на Чу Лин и спросил:

— Как она?

— Пустяки. — Цзин У подвинул Чу Цзюсюю стул. — Ваше Величество, Зал Минхэ — не то место, куда позволено заходить кому попало.

Чу Лань повернулся, встретился взглядом с безупречным прекрасным лицом государственного наставника, на миг замер и мысленно тяжело вздохнул. Среди членов императорской семьи внешность Чу Цзюсюя была самой выдающейся: яркая красота, властный нрав, в котором сквозила беспечная развязность, и высокая стройная фигура — всё это никому не позволяло ошибочно принять его за женщину.

Однако внешность Цзин У превосходила даже красоту Чу Цзюсюя: белоснежная кожа, густые темные волосы и отрешенный, словно у затворника-бессмертного, облик.

Впервые Чу Лань увидел Цзин У в шестилетнем возрасте, и восемнадцатилетний наставник показался ему просто неземным созданием. У Чу Ланя была слабость к красивым людям, и он целыми днями только и делал, что твердил Чу Цзюсюю: государственный наставник то, государственный наставник сё, ах, какой же государственный наставник красавец.

Чу Цзюсюй тогда жутко ревновал и отпускал предвзятые замечания:

— Цзин У воспитан этой сворой лысых ослов из Храма Защиты Государства, разве может оттуда выйти что-то хорошее? Смотри не дай себя обмануть.

Большинство монахов Храма Защиты Государства любили читать сутры и изучать медицину; за исключением одаренного от природы Цзин У, боевые искусства у них были слабыми. Из-за своего выдающегося врачебного мастерства они то и дело подвергались угрозам, и еще вопрос, смогли бы они сохранить жизнь, попадись в лапы злоумышленников.

Изначально Храм Защиты Государства назывался иначе. Настоятель спас основателя династии Чуцзин, после чего обитель получила нынешнее название, и с тех пор каждый государственный наставник в Чуцзин происходил из стен этого храма. Монахи там были себе на уме: стоило какому-нибудь делу коснуться двора, как они всё тщательно взвешивали. До появления Цзин У каждый наставник служил для императоров таким талисманом на удачу и долголетие, да и посторонним, желавшим причинить вред храму, пришлось бы сперва спросить на то согласия императора Чуцзин. Лишь после этого монахи Храма Защиты Государства обрели подлинное спокойствие.

Цзин У был учеником, которого нынешний старый настоятель принял вместо своего младшего соученика. Из-за этого положение Цзин У в храме было исключительно высоким: за исключением старого настоятеля, он обладал старшинством над всеми остальными, приходясь ученикам младшим или даже старшим дядей по наставлению.

Чу Лань украдкой вздохнул, глядя на Чу Лин. Девушка как раз вошла в тот возраст, когда впервые узнают влюбленность, и было вполне естественно, что ее сердце тайно склонилось к обладателю столь выдающейся внешности, как у Цзин У. И не только она — знатные девы Шанцзина, питавшие к Цзин У нежные чувства, выстроились бы в очередь от императорского дворца до самых городских ворот.

— Не беспокойтесь, государственный наставник, Я непременно велю бабушке строго наказать Чу Лин. — Чу Лань тоже был недоволен тем, что принцесса опрометью помчалась в Зал Минхэ разыскивать человека.

Иметь предмет воздыхания — дело нормальное, но ошибка Чу Лин заключалась в том, что ради этого она позабыла о достоинстве императорской принцессы, растоптав девичью скромность и гордость.

Чу Лин увела ее личная служанка вместе со старой нянькой: в конце концов, Цзин У оставался мужчиной, и принцессе не стоило задерживаться здесь надолго.

Едва Чу Лань и Чу Цзюсюй вышли из Зала Минхэ, как увидели ожидавшую у входа старую няньку.

Та шагнула вперед и почтительно поклонилась:

— Регент, великая вдовствующая императрица изволит ожидать вас.

Услышав это, Чу Лань торопливо произвел:

— У меня еще осталось множество нерассмотренных докладов, я пойду первым.

Чу Цзюсюй проводил взглядом спину Чу Ланя и процедил сквозь зубы три слова:

— Вскормил неблагодарного. — Вздыхнув, он добавил: — Все-таки Юань-эр лучше: послушная и хлопот не доставляет.

Великая вдовствующая императрица контролировала задний дворец куда слабее, чем Вдовствующая императрица Чжоу, но о столь громком происшествии с Чу Лин она узнала незамедлительно. Приказав всем осведомленным хранить молчание, она с уставшим лицом привалилась к мягкой тахте.

Чу Юань послушно разминала ей плечи.

В залу вошел Чу Цзюсюй:

— Сын приветствует матушку.

Только тогда великая вдовствующая императрица открыла глаза и велела всем слугам удалиться:

— О делах Лин-эр я наслышана. С тех пор как она упала в воду, ее прежний кроткий нрав совершенно переменялся, и я больше не в силах с ней справляться. Годами я наставляла ее, но в ответ не дождалась даже благодарности — стоило мне проявить чуть большую строгость, как она затаила на меня обиду. Начитавшись всяких любовных романчиков, она стала вести себя

совсем неподобающе!

Чу Цзюсюй молчал: выходка Чу Лин сегодня и впрямь никуда не годилась. Незамужняя девица в одиночку побежала в чужие покои искать мужчину — мало того что это бросало тень на ее собственную репутацию, так еще и падало пятном на саму Чу Юань.

Великая вдовствующая императрица вздохнула:

— Когда-то ты доверил ее мне, но я не смогла воспитать ее должным образом, а теперь и вовсе не справляюсь. Остается уповать лишь на тебя.

Доверять Чу Лин Вдовствующей императрице Чжоу было категорически нельзя: у той в голове ветер свистел и были на уме сплошные амурные дела, так что, сойдись она с Чу Лин, те вполне могли бы найти друг в друге родственные души.

— Матушка, это... — Чу Цзюсюй мысленно горько вздохнул. Откуда ему, дяде, знать, как воспитывать племянницу? Разве это не издевательство над ним?

Великая вдовствующая императрица знала о его положении и заговорила вновь:

— Теперь остается лишь прибегнуть к жестким мерам, заставить Лин-эр хлебнуть лиха и выбить дурь из ее головы. Она росла у меня на глазах, у меня рука не поднимется сделать это, так что придется заняться регенту.

— Я понял. — Чу Цзюсюй повернулся к Чу Юань: — Пойдем со мной.

Чу Юань торопливо поднялась и последовала за Чу Цзюсюем.

Выведя девушку на открытое пространство, Чу Цзюсюй произнес:

— Ты тоже достигаешь возраста выдаваема замуж. После истории с Чу Лин я решил, что всё же стоит спросить твоего мнения: за человека какого круга ты бы хотела выйти замуж?

Чу Юань помолчала немного, затем склонилась в поклоне:

— Полагаюсь на решение дяди и великой прародительницы.

Чу Цзюсюй заметил:

— Судя по твоему виду, у тебя кто-то на сердце. Говори.

Чу Юань снова умолкла и лишь спустя долгое время вымолвила:

— Хуа Юньгэ.

Чу Цзюсюй покачал головой:

— Не выйдет. Хуа Юньгэ до сих пор не женат, но со мной он не схож — у него когда-то была невеста, которая внезапно скончалась от тяжелой болезни. Все эти годы Хуа Юньгэ хранит о ней память и никогда на тебе не женится.

Лицо Чу Юань омрачилось:

— Племянница знает. Раз он решил не жениться до конца дней, племянница проведет жизнь перед тусклым светильником и статуями Будды, оставшись незамужней.

— Ты... — Чу Цзюсюй аж задохнулся от гнева. — На свете полно хороших парней, с чего тебе вешаться на это однобокое дерево?

— Племянница приняла решение. — Чу Юань поклонилась Чу Цзюсюй. — Мне пора возвращаться.

Проводив взглядом удаляющуюся Чу Юань, Чу Цзюсюй вздохнул:

— Ни от одной нет покоя. Евнух Ван тихо промолвил:

— Ваше Высочество, вы же только что сами говорили, что великая принцесса послушна и хлопот не доставляет.

— Когда это я такое говорил? Должно быть, ты, Ван-ван, стареешь и расслышал не то. — Чу Цзюсюй наотрез отказался признавать свои слова. — Наверное, у моего императорского брата кровь была дурная, раз он произвел на свет столько хлопотных отпрысков. Это у меня в свое время мозги набекрень встали, раз я согласился растить его детей.

Евнух Ван усмехнулся:

— Покойный император был изящен и благороден, словно нефритовое дерево в завитках травы, мягок и добродетелен, истинный муж благородного нрава.

Подразумевалось, что кровь бывшего наследного принца на самом деле была очень даже хорошей. Евнух Ван добавил:

— По мнению этого раба, эти юные особы весьма похожи на князя Вана.

— Исключено! — отрезал Чу Цзюсюй. — Я всегда вел дела без лишних хлопот.

Евнух Ван напомнил:

— Птичьи гнезда.

Чу Цзюсюй умолк.

В детстве Чу Цзюсюй претерпел немало лишений, поэтому Чу Цзинцзе баловал его безмерно. Росший среди простого народа Чу Цзюсюй приобрел дикий нрав, а под защитой Чу Цзинцзе во дворце и вовсе распоясался — лазать по деревьям за птичьими гнездами было для него обычным делом. Чу Цзюсюй не жаловал мясную пищу, и всякий раз, когда ему удавалось добыть птенцов, чьих матерей поблизости не было, он выкармливал их в боковой зале.

Однажды, сорвавшись с дерева во время лазания, Чу Цзюсюй полетел вниз, а Чу Цзинцзе бросился его ловить. Сам Чу Цзюсюй, упав на брата как на подушку, отделался легким испугом, а вот Чу Цзинцзе сломал ногу. Позже именно Чу Цзинцзе, волоча больную ногу, вымаливал для него прощение, благодаря чему Чу Цзюсюй избежал участи быть едва не забитым до смерти императором Чэнсюанем.

Называть себя человеком, не доставляющим хлопот, было для Чу Цзюсюя верхом бессовестности.

Воздалось по заслугам!

Чу Цзюсюй вздохнул:

— Сборище кредиторов!

На это евнух Ван ответить уже ничего не мог, лишь осторожно осведомился:

— А как же быть с Его Величеством?

Чу Цзюсюй небрежно отмахнулся:

— Не о чем беспокоиться. Сейчас он ко мне привязан, но стоит ему встретить кого-то по сердцу, как я, его дядя, превращусь в дохлый росток сои, забившийся в самый темный угол.

Евнух Ван: «.....»

Ночной визит в Цветочный павильон Маньфан

В Цветочном павильоне ярко горели огни. Какая-то фигура бесшумно шмыгнула туда из темного переулка. Личность истинного хозяина павильона выяснить не удалось, и Чу Цзюсюй решил провести разведку лично.

Его подозрение пало на конкретную цель — Чжоу Цзыхэна. Хотя Вдовствующая императрица Чжоу порой отличалась легкомыслием, дурной она не была, и выдать великую принцессу за человека, постоянно околачивающегося в музыкальных домах, она бы не смогла. На людях Чжоу Цзыхэн слыл начитанным талантом, и то, что он годами околачивался в развлекательных

заведениях, почему-то не становилось поводом для нападок со стороны старого лиса Фань Вэньфана — это выглядело неразумно.

В Цветочной павильоне Маньфан у Чжоу Цзыхэна была постоянная комната, где он жил. Чу Цзюсюй тихонько приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. Комната оказалась с кроватью под розовыми шелковыми пологам — сущая женская опочивальня. Если Чжоу Цзыхэн годами обитал в таком месте, то либо он отводил от себя глаза, либо у него было что-то не в порядке с вкусами.

Не успел Чу Цзюсюй оглядеться, как за дверью послышались шаги. Мгновенно переведя взгляд на платяной шкаф, он бросился туда, распахнул деревянные створки и, заглянув внутрь, жутко изумился.

Шаги уже доносились от самого порога, когда Цзин У протянул руку, втащил Чу Цзюсюя внутрь и на ходу притворил дверцу. Шкаф оказался тесным и был забит женскими нарядами, так что втиснуться туда двум рослым мужчинам — Чу Цзюсюю и Цзин У — было невероятно тесно. Вся спина Чу Цзюсюя прижалась к груди Цзин У, а обжигающее дыхание наставника щекотало ему ухо, вызывая волны зуда.

<http://bllate.org/book/21929/2278344>